

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В73

Серийное оформление — *Екатерина Петрова*

Иллюстрация на обложке — *Ирина Круглова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Вонсович, Бронислава.

В73 В паутине чужих заклинаний : [роман] / Бронислава Вонсович. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Необыкновенная магия. Шедевры Рунета).

ISBN 978-5-17-114517-0

После загадочной смерти наставницы из жизни Линды пропадает не только жених, но и уверенность в собственном будущем. Ее, непричастную к занятиям запрещенной магией, таскают на допросы и подвергают металлической проверке. Но не это самое страшное. Перед девушкой встает угроза голодной смерти: ни денег, ни работы для алхимика с Золотым дипломом нет. Но вдруг она устраивается секретарем к магу по особым поручениям. Думаете, на этом ее проблемы закончились? Нет, число загадок и недомолвок только растет...

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114517-0

© Б. Вонсович, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

... ГЛАВА 1 ...

— Не может быть, чтобы дипломированный маг не нашел никакой работы! — горячилась Эмма. — Это с твоим-то дипломом! Да любое алхимическое предприятие должно быть счастливо, что ты к ним захотела устроиться!

— Может, — устало повторила я, в какой раз — уже и не помнила. — Магическое сообщество очень зло на иному Вернер, а я ее ученица...

— А поскольку на твоей наставнице отыграться не могут, отыгрываются на тебе, — расстроено продолжила подруга.

С этим не поспоришь. Инора Вернер на следующий день после того, как я защитила диплом, взлетела на воздух вместе со своим домом. Хорошо еще, что охранные плетения на ограде были столь сильны, что не пропустили магический всплеск наружу, а то бы пострадали близлежащие дома, да и не только они, но и весь район — очень уж мощный взрыв случился. От самого жилища остались жалкие обугленные останки, совсем непохожие на веселые желтые кирпичики, из которых был сложен дом. О прекрасном саде, тщательно лелеемом наставницей, не напоминало вообще ничего. Вряд ли жирные хлопья сажи, перекатывающиеся за забором, можно было принять за розовые лепестки. Сыскари, поначалу уверенные в несчастном случае, лениво снимали замеры, но быстро выяснили, что не все так просто.

Следователь, меня допрашивающий, напирал не на нарушение правил безопасности при алхимических опытах (которыми, к слову, моя наставница дома никогда не занималась), а на использование запрещенных методик. Когда меня спросили в первый раз, я удивилась, была уверена, что неправильно поняла вопрос. Смерть наставницы оказалась для меня огромным ударом, поэтому я воспринимала все с некоторым опозданием и не всегда правильно. Но вопросы множились, и не осталось ни малейшего сомнения — речь шла об одном из тех заклинаний, что были запрещены сразу после окончания Магических Войн. Даже за распространение любого из них полагалось серьезное наказание, а уж за использование — смертная казнь. Я ничего подобного не знала и знать не могла, поэтому с легкостью согласилась на ментальное сканирование, не такую уж безвредную проверку, после которой меня подташнивало, а голова болела несколько дней. Но это не успокоило Сыск. В моей квартире, не так давно снятой и даже еще не обжитой как следует, устроили обыск, последствия которого мне пришлось разгребать целых два дня. Пожалуй, после столь грандиозной уборки комната стала даже уютнее, но теперь это было совсем неважно. Я с грустью посмотрела на легкие веселые шторы, чуть колыхавшиеся от гулявшего по комнате сквозняка, и сказала:

— Эмми, думаю, в столице я ничего не найду. Слухи здесь распространяются очень быстро. В Гаэрре никто меня не возьмет на работу даже с моим Золотым дипломом. Попытаю счастья в провинции.

— Линди, а ты уверена, что дело в слухах? — нерешительно сказала подруга. — Вдруг тебя занесли в Список?

Список был одной из тех страшилок, которые ходили в нашем магическом кругу. Поговаривали, что те, кто в него попал, никогда не найдут работу ни в государственных, ни в частных конторах — никто не станет

иметь с ними дела. Для меня этот Список всегда стоял в одном ряду с байками про Черного Алхимика, который предлагает продать душу за новый рецепт. Не так уж часто появлялись новые рецепты, а уж если появлялись, были они такими, что за душу должны давать не меньше десятка. Но такими партиями никто рецепты не придумывал, так что я пребывала в уверенности, что души наших алхимиков в полной безопасности.

— Эмми, тебе год до диплома, а ты продолжаешь верить во всякие глупости, — ответила я. — Про такое нам бы наверняка рассказали после окончания академии. Сразу после того, как мы дали клятву верности Короне.

Подруга клятву верности пока не давала, поэтому мои слова ее не убедили. Мало ли, вдруг я как раз и отрицаю, потому что дала ту самую клятву, а теперь не могу рассказать даже самой близкой подруге. Да и не так легко переубеждалась Эмми.

— А вдруг это такое тайное...

— Такое тайное, что о нем знают все? — чуть насмешливо сказала я. — Все знают о Списке, но никто его не видел.

— Может, о нем только работодателям сообщают, — возразила она. — Линди, сама говоришь, тебя даже Сноу не взял, а уж он ни к каким слухам прислушиваться не станет.

Да, Сноу был не из тех, кто пугается пустых слухов. Он присылал мне приглашение на работу. Приглашение, о котором благополучно забыл, когда я пришла к нему сама. Все возможные вакансии у него были надежно и надолго заняты.

— И все же я попытаюсь в другом городе, — уже с меньшей уверенностью сказала я.

— А Штефан? Штефан что говорит?

— Ничего не говорит. Я не видела его последнюю неделю.

Вопрос этот оказался для меня чрезвычайно болезненным. Штефан был тем, ради кого я и наводила красоту в этой квартире — хотела поразить своего мужчину умением создавать уют. Теперь мои мечты становились все более смутными и неопределенными. Виделись мы нечасто. Его тоже постоянно таскали на допросы, хоть с инорой Вернер он не общался, а только встречался со мной. Но после гибели наставницы его приходы становились все реже, пока совсем не сошли на нет. Может, Эмми не так уж и не права по поводу Списка? Если таковой есть, Штефан с ним точно ознакомился — как-никак в магистрате работает, штатным магом. И тогда его нежелание встречаться со мной совершенно понятно — маг на государственной службе не должен иметь порочащих его репутацию связей. Ему пришлось делать выбор между мной и своей службой, с хорошей зарплатой и не менее хорошими перспективами. Выбор оказался не в мою пользу. Я вздохнула. Я совсем не была уверена, что мой отъезд его расстроит и Штефан предложит переждать жизненные невзгоды, несомненно, временные, за его широкими мужскими плечами. Если он даже не посчитал мне нужным сообщить, что я попала в этот самый Список, который уже не казался мне несуществующим. Признаюсь, Эмми удалось поколебать мою уверенность.

— Мне он сразу не понравился, — категорично заявила подруга. — Как только я его увидела.

Это было совсем не так, о чем я ей и напомнила:

— Как только ты его увидела, сказала: «Ой, какой потрясающий представитель мужского пола».

— Ничего я такого не говорила!

Она возмущенно на меня уставилась и даже кулачком по столу пристукнула. Но кулачок у нее был маленький и совсем не страшный. Пригрозить ей мне было нечем — запрещенными заклинаниями она не

бросалась направо-налево, да и незапрещенными — тоже. Эмми была, как и я, алхимиком, правда, не столь успешным. Но учиться ей было еще целый год, так что все еще могло поменяться.

— Я просто перевела на человеческий язык те невнятные междометия, которые тогда из тебя вылетели, — уточнила я.

Эмма недовольно фыркнула, но решила не обижаться, а продолжить развивать свою мысль, в полной уверенности, что я с ней соглашусь рано или поздно.

— Так я не про внешность, — отмахнулась она. — Внешность у него действительно такая... нельзя сказать, что красивая, но...

Тут она замолчала, пытаясь подобрать нужное определение. Но слово, пусть и не магическая формула, все равно ускользало от подруги, никак не давая себя поймать. Это обычно выводило Эмми из себя, и она начинала злиться. Не был исключением и этот разговор. Эмми начала раздраженно постукивать по столу, и я пришла ей на помощь.

— Породистая... — напомнила я. — Ты говорила, что он похож на представителя старинного аристократического семейства.

Узкое вытянутое лицо. Выразительный хрящеватый нос. Хорошо очерченные тонкие губы. И повадки... Повадки человека, получившего хорошее воспитание. Он был так внимателен, так вежлив, так настойчив, что я не сразу, но все же поддалась его обаянию. Мои сокурсники перед ним просто блекли. Встречались мы почти с самого начала последнего моего учебного года в академии и до гибели моей наставницы.

— Да Богиня с ней, с его внешностью, — невозмутимо сказала Эмма. — У любого жулика внешность должна быть располагающая, и Штефан — не исключение.

Хоть было мне сейчас не до смеха, я все же расхоталась. Как быстро она отнесла его к жуликам! А не так давно пела ему дифирамбы и твердила, что я вытаскала счастливый билет. Тогда все так и выглядело. Но теперь это счастливое прошлое казалось столь же нереальным, как и мое счастливое будущее. Как сон, что прошел и даже воспоминаний поутру не оставил.

— Эмми, жулика в магистрат бы не взяли или за столько лет уже выгнали, — посчитала я нужным вступить за Штефана.

— Может, и не жулик. Но почему тогда его здесь нет? Он знает, что тебе сейчас плохо! И еще как плохо. Тебя постоянно допрашивают, даже менталиста привлекали!

Последнее ее особенно возмущало. Она была убеждена, что мне все должны верить безо всяких доказательств, как инорите, ничем не запятнавшей себя за все время жизни в Гаэрре. А в Сыске ко мне отнеслись как к закоренелой преступнице. Эмми прекрасно знала, что Штефану досталось не меньше, но ее это не волновало. Штефан же не был ее подругой, самой близкой и почти единственной.

— Ему тоже плохо, — напомнила я. — Его тоже таскают на допросы. И кроме этого, на работе у него наверняка проблемы.

Мне самой эти причины не казались столь уж убедительными — если бы я любила человека, то не стала бы его избегать из-за возможных проблем на работе. С другой стороны, после всех этих бесконечных допросов мне иной раз и самой не хотелось никого видеть. Ни Штефана, ни Эмми, хотя оба они были для меня самыми близкими людьми. После отца, конечно. Но с ним мы поругались после моего решения поступить в Академию, чему моя мачеха была только рада — я всегда казалась ей помехой на пути к собственному семейному счастью, никому не нужным напоминанием о прошлом

ее любимого мужа. Да, отца она любила, за что я многое готова была ей простить...

— Это да, — вздохнула Эмми, — как же вам эта Вернер подгадила своей смертью!

— Эмми! Нельзя так говорить!

— Именно подгадила. Зачем брать учеников, если занимаешься всякими незаконными штучками? Чтобы отвести от себя подозрение, зачем еще? — Эмми недовольно засопела. — Прекрасно же понимала, что с тобой будет, если все выплывет наружу. Конечно, она надеялась, что все останется в тайне, но не повезло — что-то пошло наперекосяк и — бабах! — Эмми всплеснула руками, показывая размер взрыва. — И я бы сказала, что так ей и надо, если бы это не касалось лично тебя.

Мне было больно вспоминать о смерти иноры Вернер, до сих пор больно. А уж слышать про нее гадости, да еще от собственной подруги, ужасно неприятно. Умом я понимала, что Эмми права, но душой принимать такую правду не хотела, тем более что инору Вернер с плохой стороны я никогда не знала.

— Она была очень хорошей наставницей, — заметила я. — Вряд ли я смогла бы получить столько знаний и навыков от кого другого.

— И что ты теперь с этим полученным будешь делать? — мрачно сказала подруга.

— Применять на практике. По всему выходит — где-нибудь подальше от столицы.

— Все-таки уезжаешь, — расстроилась она. — А я так надеялась...

Да, ей меня не удалось убедить. У меня есть диплом, а значит, должна быть работа. Неужели алхимик моего уровня нигде не нужен? Пусть не в самой Гаэрре, но есть же крупные производства и в других городах. В Корнине их наверняка даже больше. Перечень потенциальных рабочих мест у меня был — нам

выдавали в середине курса, чтобы было время подумать и определиться с решением. Я его как получила, засунула в алхимический справочник и даже не открывала, уверенная, что никогда не понадобится. И вот теперь понадобился. Я достала эти несколько листков и внимательно изучила. Даже если отбросить гаэртские предприятия, все равно оставалось еще много. Ездить по разным городам глупо, поэтому я просто разослала письма с предложением своих услуг, уверенная, что кто-нибудь да откликнется. А если несколько — будет из чего выбирать. Ответа не получила ни от кого. Через месяц окончательно стало понятно — по специальности меня не возьмут, пока не будет доказана моя непричастность к делам иноры Вернер. Но как это сделать, если я даже не уверена, что она чем-то таким занималась?

Квартира была оплачена на год вперед. Тогда я согласилась лишь потому, что была предложена хорошая скидка, хотя сумма была весьма приличной. Теперь же даже порадовалась, что квартирная хозяйка, которая на это время уезжала в Лорию, выдвинула такое условие. Пусть на это и ушли почти все сбережения с мелких студенческих подработок, но жизнь на улице в ближайшем будущем мне не грозила. Не так давно я не считала нужным экономить, ведь впереди меня ждало хорошо оплачиваемая работа. Выпускников с Золотым дипломом расхватывали еще до того, как они эти дипломы получали. У меня тоже были выгодные предложения. Были. Но дипломированный алхимик внезапно оказался никому не нужен. Можно было вернуться к отцу, но это я приберегала на самый последний случай. Он только уверится, что был прав, не желая отпускать меня на учебу. А мачеха настолько не обрадуется, что непременно постарается меня сплавить как можно быстрее. Нет уж, пять лет назад я решила, что моя жизнь будет

зависеть только от меня, так что негоже из-за временных трудностей все бросать и нестись под папину защиту.

В том, что они — временные, я была совершенно уверена.

...☀ ГЛАВА 2 ☀...

Денег у меня было немного, да и те, что были, стремительно подходили к концу. По специальности я не могла найти даже мелких разовых подработок — те иноры, что с удовольствием принимали мои алхимические поделки, когда я была студенткой, сейчас отводили глаза в сторону и мямлили, что у них для меня ничего нет. Будущее, казавшееся ясным и безмятежным, внезапно стало вызывать все большее беспокойство. И последний гвоздь в крышку гроба моих надежд вбила Эмми, сама того не желая. Она влетела ко мне, кипя от злости, и с порога начала возмущаться:

— Знаешь, кого я сейчас видела? Штефана! Штефана с вульгарной рыжей девицей! Я его сразу приперла вопросом, как ему не стыдно. А он мне в ответ, что вы с ним уже давно расстались, поэтому мои претензии ему непонятны. Представляешь?

Чего-то такого я и сама ожидала, слишком давно Штефан меня не навещал, но все же услышать это было очень неприятно. Действительно, если инор перестал приходить, истолковать это иначе, чем «расстались», нельзя. Но до этой минуты я надеялась, что он разберется со своими проблемами и придет. Что ж. Или не разобрался. Или посчитал, что ему достаточно своих проблем, а чужие разгребать — непосильная тяжесть.

— Чего ты молчишь? — продолжала возмущаться Эмми. — Скажи же что-нибудь!

— Что я могу сказать? — Я попыталась беззаботно улыбнуться. — Только подтвердить, что у нас все кончено.

Эмми плюхнулась на стул, даже не потрудившись переложить с него мое платье, в котором я сегодня ходила на собеседование в надежде, что за прошедшее время что-то поменялось. Но в обоих местах мне все так же вежливо отказали, даже не потрудившись объяснить причину. Нужно было искать другие способы выживания, а для этого мне жизненно необходимо приличное платье для собеседований. Я попыталась его вытащить из-под подруги, пока оно совсем не потеряло нормальный вид, но Эмми и не подумала сдвинуться. Ее волновало совсем другое.

— Но как же так? — негодовала она. — Бросить тебя в такой момент, когда у тебя все так плохо!

— А что, если у меня все плохо, так и тащить до конца жизни? Нет, ушел — и хорошо.

Я действительно так думала. Встречаться из чувства долга, если любовь прошла, — нет, мне милостыни не нужно. Я не буду униженно бегать и выпрашивать подачки. Пусть встречается с кем хочет, в моей жизни его больше нет и не будет. Да, именно так! Неожиданно эта мысль наполнила меня предвкушением чего-то нового. И не просто нового, а хорошего, что должно случиться совсем скоро. Плохие полосы в жизни имеют свойство заканчиваться, а моя уже слишком затянулась, пора бы чему-то и поменаться. Подруга расстроено вздохнула. Наверняка ей было что еще сказать про Штефана, но она оставила все это при себе, не желая мне портить настроение еще больше. И пусть сейчас любые рассказы про Штефана никак не повлияли бы на мое состояние, я все же была ей благодарна.

— Что делать-то собираешься?

Вариантов у меня не было. Ни еду, ни деньги добывать из воздуха я не могу. Ходили слухи, что маги прошлого владели таким умением, странно только, что все они унесли такое полезное знание с собой в могилу.

— Искать работу, — ответила я. — По магической части меня не возьмут, значит, надо что-то другое.

— Что другое? — изумилась она. — Что ты можешь, кроме магии? Полы мыть? Не пойдешь же ты в горничные?

— Не пойду, — согласилась я. — Но вдруг удастся пристроиться гувернанткой?

— Список, — мрачно напомнила она. — Сразу возникнет вопрос, почему после Академии ты хочешь работать где попало. Ты прости, конечно, но при малейшем подозрении во владении запрещенной магией тебя близко не подпустят к детям.

— Но я-то ее не знаю, — растерялась я.

— И кто знает, что ты знаешь, а чего не знаешь?

— Я проходила ментальное сканирование.

Эмми выразительно хмыкнула, это лучше всяких слов сказало, что эта процедура мне никак не помогла в поисках работы. Я задумалась. А ведь она права! Вряд ли мне удастся найти место гувернантки или компаньонки. Я бы тоже не стала брать в семью лицо с подмоченной репутацией. Лицо, подозреваемое во владении запретной магией. Это я знаю, что ни при чем, а откуда это знать человеку, который видит меня впервые в жизни? Я бросила тоскливый взгляд на кипу газет, которую только купила и еще не успела просмотреть объявления. Получается, купила зря? Лишь напрасно потратила часть столь необходимых мне денег? Что же мне теперь делать? Подруга перехватила мой взгляд и заинтересованно придвинула стопку к себе.

— «Гармский вестник». Зачем он тебе?